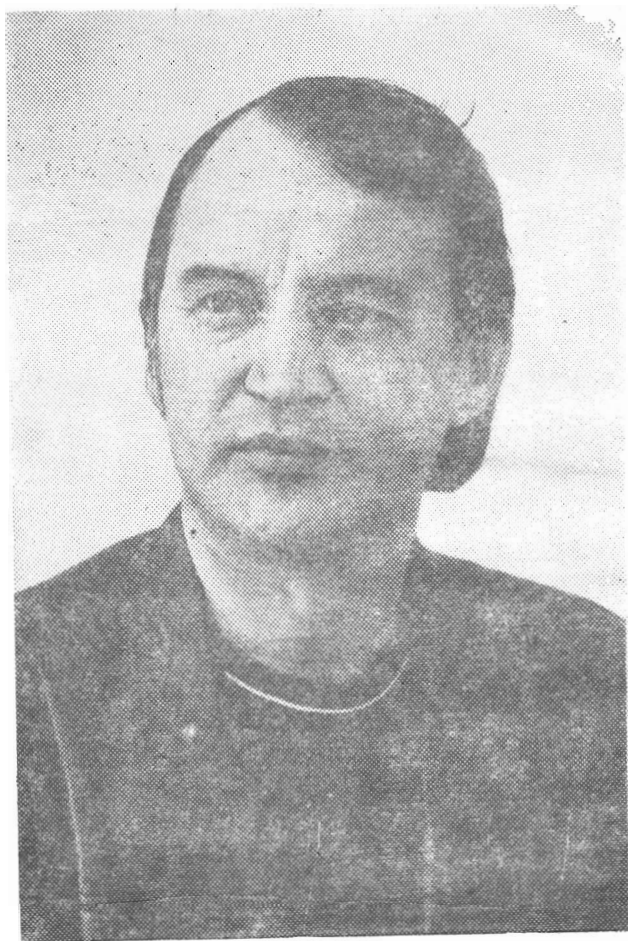

**ВАЛЕРИЙ
КОВШОВ**

СТИХОТВОРЕНИЯ

06

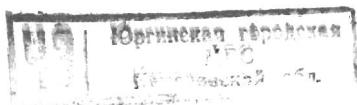
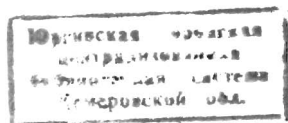
84P7 (2P53-4кст)
К56

ВАЛЕРИЙ КОВШОВ

СТИХОТВОРЕНИЯ

58541-1-2

Союз писателей Кузбасса
Кемерово
1997

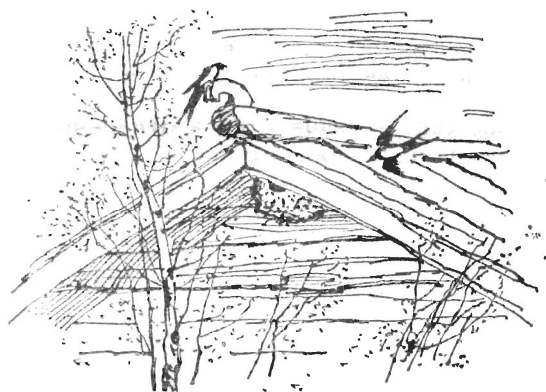
ББК 84.3Р7
К 56

Издано по лицензии Союза писателей Кузбасса. Се-
рия ЛР № 030775

© Ковшов В. В., 1997

ЧАМА ЖУЗҒУ

1977

* * *

С чистым небом над черной спиной,
поклоняясь грядущему дну,
я копаю колодец... со мною
столб пространства идет в глубину.

Глубже свет — выше холм в отдаленье,
где тускнеет надежды руда,
где внезапно сверкнет утоленье
человеческой жажды труда.

ДЕРЕВО

В густой земле ворочаются корни,
отыскивая путь к заветной влаге,
терзают грунт упрямо и упорно,
доверив риск неистовой отваге.

А наверху под тонкой кожей ствольной
взбухают вены, жилы тяжелеют...
Все дальше прах и все, что рядом тлеет,
все ближе небо, свет и ветер вольный.

Там будет пир:
парящий запах меда,
раздолье веток,
буйство крепких листьев,
пронзит простор вершинный звук мелодий,
что зарождались в легком птичьем свисте.

Пусть сушит землю долгое бездождье,
пусть задохнется небо от удушья,
в сосудах жизни вечно и надежно
бурлит раствор и зреет день грядущий.

* * *

Жизнь проста, как кипящая влага
в грузных чашах весенних полей,
как зовущая в небо ватага
разрезающих высь журавлей.

Нет на свете желаннее кары,
чем попасть под расстрел синевы,
где волнуются птичьи базары
в яркой зелени первой листвы.

Обретая терпенье и веру
рвущих дамбы стремительных вод,
я завидую легкому ветру,
уходящему в дальний поход...

Вижу: галки вдали закружили
над землей, что бурлит в лемехах,
слышу: стонут железные жилы
в потемневших крестьянских руках.

* * *

Воздух легкий, воздух вольный
в молодом весеннем ветре.
У березы белоствольной
береста дрожит на ветке.

Из оттаявшей поляны
смотрит летняя дорога.
Оборвался, словно пьяный,
ворон с ветхой шапки стога.

Одинокая осина,
дочиста зимой раздета,
достаёт с небесной сини
золотые капли света.

Я и сам ловлю в ладони
свет нетающий и нежный,
будто сердце мое тонет
в первый утренний подснежник.

ЖЕЛАНИЯ

Чашу неба да ветра глоток,
да раздолья во славу здоровью —
Вот и все!..
За сумятицу строк
я платил не прохладною кровью.

Я хочу, расставляя силки
на бездумных желаний границы,
чтобы ум источал родники,
в сердце пели небесные птицы.

* * *

Внизу, в воде, качался лес.
На темном склоне пахло глиной.
Взлетал на воздух лунный блеск
какой-то рыбы исполинской.

К моим ногам, как будто звал,
шли, разговаривая, волны.
И я, прощаясь, понимал
язык реки немногословной...

И, может быть, придут ко мне
из глубины души впервые
слова, стоящие на дне,
как будто рыбы золотые.

* * *

Проснешься, думая, что спишь:
чуть видный свет к окну крадется,
густая утренняя тишь
идет прохладой от колодца.
Нет, никогда не позабыть
и белый сад, и говор птичий,
и разрисованный наличник
пропавшей в зелени избы. . .
Как не забыть тех славных лет,
где боль — нелепая случайность,
где сердце бьется, не печалась
о том, кто кончится рассвет.

ДОМА

Все здесь сердцу близкое,
все имеет вес —
и ограда низкая,
и высокий лес.

Вот он, за оградой,
мой родимый дом.
Вот она, нарядная,
роща над прудом.

Ну а там, над водами,
то ли сам лечу,
то ли птицы родины —
я не различу.

В памяти давнего детства
зрелости вижу исход.
Дай же тобой наглядеться,
мой беззакатный восход...
Вижу, как роща за домом
сбросила зимний узор,
тихо, легко и знакомо
льются туманы с озер.
Видятся мутные стекла,
слышатся скрипы крыльца.
Над подоконником теплым
чудится пенье скворца.
Что возвратишь ты мне, детство,
что не вернешь никогда?..
Дай же тобой наглядеться,
память моя, навсегда!

* * *

Все кажется, будто вчера,
сбежав от учебников горьких,
кричали мы дружно «ура»
и приступом брали пригорки.

Все кажется: ливни идут
и травы растут в поднебесье,
где звонкие крылья поют
свои ястребиные песни.

С тяжелых березовых сот
свисают пахучие грозди...
И можно всю ночь напролет
смотреть на высокие звезды.

Я там свое детство встречал
и верил, наверно, оттуда,
что боль и о прошлом печаль
придумали взрослые люди.

* * *

Я помню желтые овины,
я помню белые снега,
как тихо, сказочно и длинно
звенела в сумерках пурга.

О детство!
Различаю дали
твоих просторов...
Где вы, чьи,
те пустыри, где мы играли,
те буквари, что мы прочли?

Твою печаль, любовь и жалость
я вспоминаю чуть дыша.
Во мне живет, во мне осталась
твоя наивная душа.

И эту нежность к дорогому
не растерять и не забыть,
и не отдать ее другому,
и никогда не разлюбить.

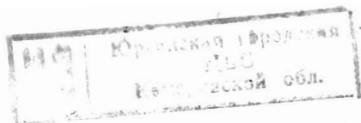
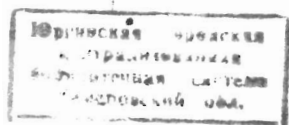
ЗВУК

Проступает на ликах камней,
кличет небо из мрака колодца,
шевелится на гривах коней,
теплой дрожью от леса крадется.

Это слышат миллионы ушей,
но по воле рассудка не слышат:
среди ярко кричащих вещей
темный звук назначенья не сыщет.

И тогда он идет к одному
человеку, который услышит
и узнает его... И ему
он лицо удивленьем распишет.

58541-1.2

* * *

Темна дорога. Улица темна.
Отяжелев от собственного веса,
оцепенело дышит тишина
в лицо деревни душной прелью леса.

Сопит в болоте сонная вода.
Шуршит в кустах невидимая птица.
И по траве скользнувшая звезда,
пугая мрак, на озеро садится.

Здесь дождь пройдет... Обвиснут облака,
распавшись на пустые хлопья дыма.
Земля набухнет, как коровье вымя
перед рождением теплого телка.

И корни жизни двинутся во мгле
своим путем, что выверен веками,
и прорастет нежнейшими ростками
густая молодь, кланяясь земле.

Как сладко вдыхать из ладоней
соломы подтаявшей прель
и слушать, как ветер талдонит,
что скоро вернется апрель —
вернется с печалью дорожной
и всем будет радости впрок...
А каждая ветка дороже
всех за зиму сложенных строк.

* * *

Чую тепло, слышу оклик на дереве птичий,
вижу: ручьи пробивают в сугробах тоннели,
заголубел влажным ветром умытый наличник,
и облака, повстречавшись с теплом, потемнели.

Крошится берег, и глыбы оттаявшей глины
падают замертво в мутную бездну потока.
Страшная сила ворочает бревна и льдины,
слабый кустарник калеча легко и жестоко.

Нет утоленья для жизни в движении малом,
если нельзя показать непокорную удаль...
Вот он, весны и свободы опаснейший слалом:
в водоворотах крушений обломки и груды.

Вот он, весны и желаний единственный выбор:
жизнь обновлять, очищая от праха и тлена,
воздух глотать, задыхаясь озерною рыбой,
глину месить и в земле утопать по колено.

* * *

Весна. И мне семнадцать лет,
и жизнь, как чаша круговая,
и утоленья жизни нет,
как будто есть еще другая,
которой тоже не напьюсь
и вновь пуцу по кругу бойко.
Все это было... Ну и пусть!
Я отрезвел. Но не настолько,
чтоб вдруг забыть веселый стук
бездонной чаши над собою —
она моих коснется рук
и над прохладой вековой!

* * *

Прыгну во тьму, подоконник не чуя ладонью,
брызнет роса из травы и рассерженных веток,
злая калитка у ног завизжит и застонет —
ловкий пинок ей наградою будет за это.

Тихо. Никто не проснулся... А что еще надо!
Только бы тень отшатнулась от ближнего дома
и появилось, сливаясь с высокой оградой,
белое платье, что так хорошо мне знакомо.

Что-то во мраке заметить,
почувствовать мне бы...
Но ничего я не вижу в объятиях лета —
даже не вижу, как ночь, растревожив полнеба,
мутит восток, чтобы выловить каплю рассвета.

* * *

Эта улица мне знакома...

С. Есенин

Эта улица мне знакома...
В старом городе у Томи
над ее неприметным домом
гром сегодня весь день гремит.
Улыбаются небу окна
сквозь густой тополиный пух.
За оградой поляна мокнет,
травяной источая дух.
А под окнами птички драки,
лужи... Веру в людях храня,
неразборчивые дворняги
останавливают меня.
Эта женщина мне знакома...
Потому не зайти не мог,
открывая вполне законно
подневольный ключу замок —
в деревянном,
по счету пятом,
с занавесками дня белей,
с разговором замысловатым
облетающих тополей.

* * *

А разве не красива ты,
а разве не красива очень,
как эти яркие цветы,
как эта утренняя осень?

Плывет осенняя звезда
и гаснет за речной осокой.
Я так боялся опоздать,
мечтая о любви высокой.

Была светла моя душа...
А ты прошла бы где-то мимо,
и эта осень бы ушла,
ушла совсем, неповторимо.

Приветствую тебя, судьба...
Со мною ты, а не иная.
И волосы летят со лба,
как по ветру трава степная.

* * *

К обеду выпал первый снег...
К прозрачным окнам дня и дома
пришел от солнца чистый свет,
веселый, яркий и огромный.

О смейся, солнечная высь,
повесели сегодня осень
за вызревший капустный лист,
за крепкие ее колосья.

Так, значит, славным пирогом
меня попотчует хозяйка
и обо мне, не о другом,
тепло подумает утайкой.

Я буду взгляд ее ловить,
к скамье смущенно прирастая.
Она же будет говорить,
что снег, быть может, и растает...

* * *

Улетели стаи диких уток.
Отпечатал речку гусь босой.
Заметая санный первопуток,
вьюга на полях юлит лисой.

На подарки щедрая прохлада,
словно гость, нагрянувший к родным,
серебро для нового наряда
дарит утром веткам продувным.

В подворотни вьюга лезет низом.
Поднимая головы людей,
кружится, садится над карнизом
снег, как будто стая голубей.

Сыпь, зима, гони по ледоставу
тишину к оврагам и кустам...
Все равно я дни свои расставляю
по твоим излюбленным местам.

ВОСПОМИНАНИЕ

Целую руку молодой вдовы
и голову мальчишечью склоняю, —
еще совсем, совсем не понимаю,
что я всего лишь спутник ей... увы!

Увы, мой друг, нам часто невдомек,
как это вдруг становятся химерой
и взгляд ее, и трепетный намек,
и вздох признанья, принятый на веру.

Смотрю в глаза, наивный, как дитя,
держу за плечи,
мальчик, месяц ясный,
и все надежды только к ней летят,
к моей любимой, нежной и прекрасной.

Постой, постой... Хоть слово оброни.
А время в сердце выпустило стрелы:
стал взрослым мальчик, славный мой двойник,
и та вдова, как песня, устарела.

* * *

И с бессмысленной радостью есть
в чьем-то взоре частица участия.
Остается неслышно подсесть,
чтоб познать легкокрылое счастье.

Не к тебе ль?
Твои локоны — лен...
А в глазах твоих синее небо.
Завлечен, заплечен, завлюблен,
я гляжу на тебя, как на небыль.

Но зачем тебе в сумерках я?
Чтоб еще одно вымучить тело?
Среди песен, вина и хамья
пропадет, что звенело и пело...

Но приняв все, что есть, за игру
и за миф, что веками развенчан,
пью за женственность девичьих рук,
пью за девочку в каждой из женщин.

Упорхнула куда-то кровать,
шкаф исчез
и рассыпались стулья...
Остается сидеть, горевать,
как пчеле без привычного улья.

Но поверю, когда ты уйдешь
навсегда обживаться к другому,
что богатство мое — снег и дождь,
и дорога, что гонит из дому.

* * *

Надо, любимая, надо
счастьем своим пренебречь,
если не слышится рядом
жизни высокая речь.

Болью слова прорастают,
сгустками кровных потерь
и навсегда отлетают
к жизни в открытую дверь.

Кто их вернет?
Не вернуть их,
как не вернуть из дали
на холодящем распутье
теплые руки твои.

ПРИГЛАШЕНИЕ К ПЕСНЕ

Я найду слова совсем простые,
это будут нежные слова,
как глаза от солнца золотые,
как травы вечерняя молва.

До других-то мне какое дело,
если ты с ромашкой в волосах,
стать далекой песней захотела
в наших синих северных лесах.

Так лети же песней, недотрога,
закружись во тьме речных излук.
В темноте пропавшая дорога
для тебя найдет и ритм, и звук.

Потому из сумрачной долины
к нам спешит, теряясь в синей мгле,
звук полей, таинственный и длинный,
как любая сказка на земле.

СКАЗКА

Люди спали...

Ревели просторы:

экскаваторы, драги, ломы,
раздробив все долины и горы,
добрались до невежества тьмы.

Вышел лом — тут же выбыл из строя.

Вышла драга — под землю ушла.

Загремела, как дело пустое,
экскаваторная голова.

И упали бесплодные годы,
как жестокой расплаты венец,
на пустынные земли и воды...
Тут и люди проснулись.

Конец.

* * *

Я взгляделся в живое пространство
и впервые поверил всерьез:
человек не найдет постоянства
в гулкой бездне, ослепшей от грез —
потому что и там во Вселенной,
где мечта не дает нам уснуть,
наша жизнь, как пространство, не бренна,
обретая немыслимый путь.

* * *

Мы ценим вино золотое,
а следом простое вино,
затем неизвестно какое,
потом... что ценили давно.

Вот так драгоценное слово
спасает простые слова,
чтоб стать неизвестным,
и снова
входить в золотые права.

ПУШКИН

Он дорог мне сегодня тем,
что к бронзе лет не подытожен,
что мысль его доступна всем,
а не помазанникам божьим
в палатах тонкого ума,
где нет простой улыбки, пусто,
где даже истина сама —
служанка при дворе искусства.

* * *

Я теперь не верю, что возможно
быть свободным, как ночная высь,
и мечтать, надеясь осторожно,
чтоб другие следом поднялись.

Люди любят землю — не надейся —
где всегда спокойней и теплей,
ни к чему ветра и эдельвейсы
тишине ромашковых полей.

Я и сам уйду под своды окон,
где останусь, видно, навсегда...
Пусть она мерцает одиноко,
лучших лет проклятая звезда!

* * *

Я расскажу когда-нибудь о том,
что жесткой правдой в памяти скрывалось,
что тяжело и медленно сбывалось
в кругу людей, твердивших о другом.

Я расскажу, быть может, невпопад,
о днях любви, печальных и наивных,
о вечерах сентиментально длинных,
как бесконечный зимний снегопад.

Я расскажу о том, что глубоко
осознаю теперь взрослей и строже.
О том, как мне бывает нелегко,
я расскажу... но это будет позже.

ПОРТРЕТ

Вознесенный на глянец поэт
обезличен старением снимка:
глянец есть, а реальности нет
вместе с блеском слепящего нимба —
словно этим лицом молодым,
защищаясь, прикрылась гримаса,
отгоняя забвения дым
с необманной вершины Парнаса.

ЖЕЛЕЗНЫЙ ГРОМ

Железный гром, не деревянный скрип,
хранит сегодня прошлого устои.
От напряженья вся страна искрит,
горит огнем и строит, строит, строит.

От искр возникнув, будущего день
с сегодняшним сошлись — и оглянулись:
железом рвут твой дедовский плетень,
о Родина!.. Явления сомкнулись.

То испорченный вкус, то ослабшее зрение,
то сноровка и сила, увы, не ума,
и являются хилые стихотворенья,
как невзрачные наши жилые дома.

Осыпается форма бездушных строений,
неуютно в них жить, безнадежно мечтать.
А стремительных строек непризнанный гений
строит так, словно только умеет считать.

Посчитал и построил... опять начинает.
Эй, прораб, берегись!
Снова крыша течет...
Время верит тебе, но пощады не знает
и безмолвно предъявит последний расчет.

Есть память лет, которую не спросишь:
«Что жизнь моя и в чем она права?»
Лишь благодарность поздно произносишь
да самой тихой нежности слова.

Всемирен образ — «юность золотая»,
без края смысл в небесном цвете слов...
Печальная, веселая, любая
она — надежда, тайна и любовь.

Так уходи в заветное сознанье,
но возвращайся, только позову
тебя, тебя, небесное созданье
посмертных снов о жизни наяву.

О, первозданный майский лес!
Не говори — я вижу, слышу,
как нарастает листьев вес,
как ветки тянутся все выше.

Запутанный твоей травой,
залитый мраком быстротечным,
лежу в кустах... над головой
волнует разум ветер млечный.

И в этот тихий поздний час
душа никак понять не может:
зачем так звезды манят нас,
когда земля для нас дороже?..

Время бежит на восток...

Н. Тряпкин

Светлым да будет весь мир,
звонкий, просторный, речистый.
Слово, мой вечный кумир,
ярким останься и чистым.
Выше поднялись леса,
выпади, дождь благодатный...
Верю всегда в чудеса
нашей земли необъятной.
Завтра, когда выйдет срок
и попрощаться придется —
время пойдет на восток...
Сердце мое отзовется.
Пересекая Урал,
ветры летят и колеса.
Здравствуйте!
Я не терял
родину, глядя с откоса.

БЫЛО

Прикорнувший у дерева дом,
загустевшие тени потемок,
завыванья собак непутевых
снова всплыли в сознание моем...
Холод схватывал слякоть дорог.
В переулке гремела телега.
Конь храпел, задыхаясь от бега,
чуя стойла знакомый дымок.
А вдали кто-то весело пел —
голос рвался от улицы тесной.
Было время освоенных песен
о просторах целинных земель.
Было время космических снов,
перемен, от которых знобило
фарисеев провидческих слов...
Было.

ВЕРА

Я сегодня назвался пророком,
опаленным небесной волной,
и в движеньи своем одиноком
непригодным для жизни иной.

Ничего.
У предзвездного часа
столько света и тайной молвы,
что не хватит обычного счастья
на последнем пороге любви.

Вижу небо глазами твоими...
Я и завтра опять не умру,
потому что высокое имя
бережет мою жизнь на краю.

* * *

Жизнь закрытых наглухо болот —
гиблых вод ползучее цветенье,
ветхих пней чуть видимое свеченье,
серых дней гнилой круговорот.
Тишины и затхлости тоска,
пустота, старенье, недвижимость...
Мне милее неба птичья живость
с холодком заречным у виска.
Пью свободы вызревшую сласть
с лепестков, кувшинок, из ладоней.
Чем светлее небо,
тем законней
признаю его немую власть.
Принимаю подданство воды
в молодом стремительном движении!
Принимаю подданство звезды
в одиноком блеске и падении!

* * *

Если родиной память зовется
о земле, что не кажется тесной,
пусть она навсегда остается
недопетой единственной песней.

Причитанья печальной метели
не хочу слушать снова и снова,
не хочу, как занозу из тела,
рвать из горла прощальное слово.

Слышу шорохи леса и снега,
вижу поле и дым над деревней...
Он в крови, этот дикий и древний
зов инстинкта и запах ночлега.

ИСТОКИ

Г. Юрову

[Отрывок из поэмы]

На земле, где живем,
есть могучие быстрые реки,
есть речушка, где рядом
стоит мой родительский дом,
есть река, словно детство,
с которым я связан навеки —
голубая дорога
с певучим названием Томь.

Слева — степь да стоянки
березовых рощ и околков,
слева вязнут овраги
в густой темноте тальника.
Справа — пихты и сосны
да редкого кедра осколки,
да вершины холмов,
облысевшие от сквозняка.

Справа — мертвая тишь
с буреломами лежек звериных,
беспросветная тьма
с немигающим взглядом совы,
молчаливые камни

на теплых и мягких перинах
из пушистого вороха
старой истлевшей травы.
Слева — старых селений
высокие прочные избы
с обязательной тропкой,
сбегающей прямо к воде...
Деревянные птицы
летят в кружевные карнизы
из ладоней искусников,
с детства искусных в труде.

Слева тянется к югу
тяжелая лента асфальта,
приближая к деревьям
молву городских площадей,
приближая к заводам
ристалища птичьего гвалта
и свободу пространства,
так нужную жизни людей.
В середине — река,
чистокровная свежесть природы,
неизбывная тяжесть,
ушедшая в чрево глубин.
Ощущает рука,
прикоснувшись к стремительным водам,
пульс родной стороны,
убыстренный движеньем турбин.

ПЕРВЫЙ ДЕНЬ ЛЕТА

[Отрывок из поэмы]

Июнь гордец и очень знаменит,
в природе нет величественней славы:
в цветных венках,
разбойный и кудрявый,
в руках росы серебряная нить.
В его глазах не дремлет тишина
спокойной веткой,
птицей осторожной —
как первый гром взрывается она,
мир оглушая песней придорожной.
Да, я люблю июнь,
и не таю
свою любовь,
и радостно приемлю
его пути,
и вслед ему пою,
и славлю сердцем родину и землю.
Здесь я рожден.
Деревня, как судьба,
как сладкий вздох простора и свободы.
Здесь даже ставен четкая резьба
напоминает прожитые годы...
Я вспоминаю:
где, когда и что
стояло здесь,

цвело, не умирая,
соединяя прошлое с мечтой, —
с преображенным днем родного края.
Вот там был лес.
В лесу росли цветы.
В сухом логу водились куропатки.
И грозный ястреб с гулкой высоты,
нацелив взгляд,
пикировал в распадки.
Я думал раньше:
лес, поднявшись в рост,
озолотит пшеницей жизни поле
и, перекинув к будущему мост,
напомнит нам о славной сельской воле.

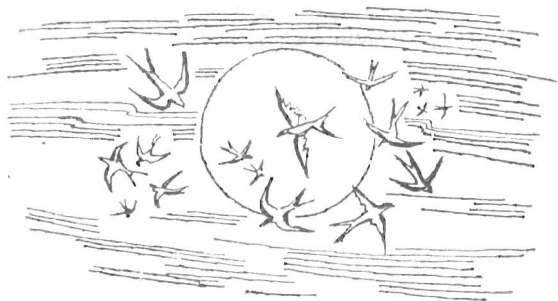
Густой, тягучий, медленный закат
стекает с крыш,
ползет к вершинам леса.
Крадется тень от темного навеса.
Азартно плещет щучий пережат.
Уже примерил новый пиджачок
веселый парень,
глядя в темень сада.
Уже стучит высокий каблук
там, где пристыла
к сумеркам ограда.
У клуба говор,
смех и звон гитар,
и одинокий всхлипный плач гармони...
Вдыхай, вдыхай сиреневый нектар,
прижав к губам горячие ладони!
Вдыхай из тьмы
любимый этот цвет
родных берез с короной голубою.
Пускай всегда
витают над тобою.

неистребимый звонкий их привет!
И вот он, вечер... зеленью повис
и синевой обрушился на плечи.
Как в храме,
звезд мерцающие свечи
зажгла во тьме таинственная высь.

Уснуло лето тихо на руке,
застыв в глазах малиновым закатом,
парящей мглой
над лунным перекатом,
зеленой рыбой в стынущей реке.
О, сказка лета!
Разве я не знал,
что ты живешь на родине извечно...
Вон белый конь звенит вдали уздечкой.
Вот звезд ночных сиреневый обвал.
Вот свет берез у темного пруда
и тишина над дремью тальниковой.
Вот из ладоней чистая вода
сжимает грудь прохладой родниковой.
Родник пробьется — воздух зазвенит.
Душа услышит — песня разольется,
и чувств моих невидимая нить
к чужой душе невольно прикоснется.

СВЕТ ВЪЗДУХУ

1983

* * *

Деревянная изба.
Черный кот сидит на крыше,
выше — длинная труба.
Дым кудрявый еще выше.
Это видимость избы —
ее азбучная внешность.
Это видимость судьбы —
ее ровная поверхность.
На коньке не кот сидит,
а вещун с небесной кручи.
Из трубы не дым летит,
а тоска души горячей.

* * *

Провалился я тридцать три года
на печи под названием Русь,
обходила меня непогода,
не тревожила долгая грусть.

Но у сказочной жизни развязка
наступила... И стала слышной
боль — последняя русская сказка
для беспечных ее сыновей.

Слава сказке, я ночью заплакал,
словно только что правду узнал,
и сквозь слезы заокал, заакал,
закручинился, загоревал.

* * *

Здесь, где любви и тепла колыбель,
где обживаю пространство и время,
бросив под ноги соломы беремья,
сооружу для ночлега постель.

Ночь хороша, если воздух звенит,
перепел в поле мгновенья считает,
плотный туман вдруг редет и тает,
освобождая свет вещей планид...

Вещих — не вещей,
но, если любить
жизнь не придется любовью иною,
хватит того, что бывало со мною
здесь, в этом мире, где все может быть.

А. Каткову

Как хочется порою быть похожим
на ясный день и стать таким, как все,
а еще лучше деревом пригожим
или травой в мерцающей росе.

Ходил бы рядом воздух небу равный
и улыбался ангельский ручей,
и среди них, родной и полноправный,
встречал я звуки музыки ничьей.

Но нет для слуха музыки заветной,
и разум тмит гигантский имярек,
и скрыта тайна радости бессмертной,
и я, пока, ей чуждый человек,

В. Иванову

Улетают птицы. Облетают
светлые деревья и кусты,
землю обнаженную латают,
вносят жизнь в холодные пласты.

Вот и мне бы сильную, простую
жизнь вдохнуть в холодные слова,
оживляя эту даль пустую,
сонную и теплую едва.

Я подумал о тех, кто, смеясь
над мещанством,
живут у корыта,
где таится липучая грязь
из отстойников мутного быта.

Я подумал о скользких глазах,
что любовь приравняли к угоде,
променяли улыбку на страх
улыбаться при ясной погоде.

Я подумал о жесткости дней,
о бесценности их и значеньи,
о движеньи вперед, что сильнее
всех побочных и встречных течений.

* * *

Среди сценических затей,
сопутствующих им занятий,
я — враг надуманных страстей
и выпренных самораспятий.

Живого светлого ума
взыскуют искренние чувства,
когда культмассовая тьма
венчает поиски искусства,

когда похвальные мужи
годами медленно, но верно
копили яд искусной лжи,
чтоб души вытравить мгновенно.

Мистика — не освящение хлеба
в русской печи, где живет домовой,
мистика — обожествление неба
с воплем сирен в черноте дымовой.

Я не молюсь по ночам кинескопам
и пирамидам бетонных пещер,
где электронные идола скопом
мучают сердце таинственных сфер.

Милая тварь в травяной парусине,
славная бабушка, баба-яга,
вспомни о внуке, как будто о сыне,
и пострадай, как в былые века.

Чтоб не мучил серебристую влагу,
не куролесил в дремучих лесах,
поворотился к древнейшему благу —
был человеком на совесть и страх...

ОТСУТВИЕ

Страшат грядущие скрижали
утробным благом наших дней,
где мы без меры нарожали
самоубийственных идей.
Отринь разумное от страха,
и станет жизнь пустой дырой,
где мысль компьютерным размахом
безумной тешилась игрой..
И ляжет слой культурной пыли
(какой идее на помин?)
на мегаполисы утиля
в траву забвения — полынь.

* * * *

Когда в душе глубокий беспорядок,
земная твердь опасней звездных сфер.
Как формулы эйнштейновских тетрадок,
растут столбцы компьютерных химер.

Наверно, жизнь устала от проверок
на простоту и ясность,
а при ней
привычный атмосферный воздух мерзок
и неприятней вкус текущих дней.

Но у предела темных размышлений
на острие космических судеб
спасительное слово скажет гений —
народ, что инстинктивно видит свет...

ОСВОБОЖДЕНИЕ

Опустели навеки вольеры.
Отпустили на волю людей
усмиренные бывшие звери —
дети темных лесов и полей...
И очистились души, как реки,
и вернулся цветок луговой,
и ушли навсегда человеки
от звериной судьбы роковой.

МЕРТВОЕ СТИХОТВОРЕНИЕ

Передо мною лежит
мертвое стихотворение.
В строчках бескровных дрожит
нудная блажь нетерпения.

Мысли попали в цейтнот,
пауза — поза картинная,
в хилых созвучьях цветет
плесень и дремь паутиная.

Я это все написал
скуке ума в услужение
или какой-то нахал,
жаждущий стихосложения?..

Ничего не прошу у судьбы...
Где-то близко родные гробы,
где-то рядом беседы ведут
старики перед встречей в аду.
Глянь-поглянь:
тихо рядом сидят,
сладки шаньги да пышки едят.
А плевались ни свет ни заря,
а ругались и зря и не зря.
«Почему ты ругаешься, росс?»
Для меня это вечный вопрос.
Вольным светом омыл я чело—
потому отвечаю: Чево?

В родительском доме качаются стены,
ломаются ставни,
осыпались стекла...

В зияющих окнах ветра засвистели
о том, что судьба тяжела и жестока.
Судьба тяжела,
потому что невнятна,
глуха, молчалива, непостижима,
как в космосе черные дыры и пятна,
как в сердце ума и невежества жила...

Тяжелое время, жестокое дело
себя узнавать среди тысяч подобных.

* * *

И человек,
творец эпохи инвалидной,
зависит от здоровья жизни многовидной
и понапрасну молится среде,
где польза выше мысли о вреде.
Свобода — миф.
Родней и ближе воля
ночных лесов и утреннего поля,
холодных рек и теплых берегов...
Здесь все друзья!
У воли нет врагов
и не предвидится сегодня и в грядущем,
как не видать свободы в мире сущем.

БЫЛЬ

Мужики взмахнули топорами...
Пыльный смерч пронесся над полями.
Стаял снег быстрее, чем в прошлый век.
Берега повысились у рек.

Мужики ударили в стамески...
Поредели стройные подлески.
Удивленной птицы вымер голос.
От безводья выродился колос.

С тишиной, похожей на руины,
хороши российские равнины.

ВРЕМЯ

Тянется к солнечным пятнам,
молнию держит в руках,
кается перед распятым
в самых тяжелых грехах.

Роскошью тешится сладкой,
голодом режет живот,
невыносимой загадкой
в черное небо зовет.

В душных трущобах ночует,
прошлое ищет в золе,
сталью природу линчует,
гибель пророка Земле.

Шепчет губами младенца,
ветхой старухой молчит,
ночью по праву владельца
в двери прикладом стучит...

* * *

Зачем я жду рассвет далекий?
Зачем я жду начала дня?
Как моя юность, тенью легкой
уходит слово от меня.

Смотрю я в память зло и тупо,
я не узнаю никогда,
зачем так весело и глупо
тянулись юности года.

О, лучше б, молодость расторгнув
с движеньем лет, что копят страх,
взлететь! разбиться!.. но с восторгом
на холодеющих губах.

Белым мальчишкой бродил я по черному полю,
юношей черным разглядывал волны пустыни.
Хлебом земля одаряла, железом и солью,
мягкой травой исцеляла усталого сына.

Небо, сжигая рассудок неведомым зельем,
слух замыкало навстречу победному кличу —
разума немочь таилась в припадках веселья
братьев моих, у костра пожиравших добычу.

Кожу менял я, глаза и призывы гортани,
дом оставлял, где подкову вбивал над
порогом,
парусом легким приветствовал ветры и страны,
силу копил и высокие мысли пророка.

Время бежало, скрывая и пряча эпохи
в холоде бронзы, в скрижалях веков
безымянных.

Кажется: вот соберу эти блески и крохи —
выйду к Вселенной
с живым разговором на равных.

Зреет и крепнет в желаньях воли решимость,
страх одолев в поединке с пределом познания,
вырвать пространство для вечнозеленой
вершины
Дерева Жизни, проросшего в тьму мироздания.

* * *

Преодолеем ли испуг
пред безграничностью Вселенной?
Сверкнула мысль во мгле нетленной —
мы вышли в изначальный круг.

Другая жизнь — другой закон
соприкоснулся с нашим телом.
На что надеется тайком
наш ум за видимым пределом?

Какое время там течет?
Какое встретят измеренье
рассудка точность, и расчет,
и сердца вечное движенье?

* * *

Душа и рассудок равны
мучительным чувством тревоги,
дрожанием тонкой струны,
которую страшно потрогать.

Попробуй-ка тут не сорвись,
когда поджидают возмездьем
то разума скользкая высь,
то чувства опасная бездна.

✻ ✻ ✻

В невидимой безмолвной тесноте
сплетаются молекулы движенья
и гибнут на кострах самосожженья,
свой голос отдавая немоте.

Застывшее движение — мираж
несовершенства зрения и слуха,
пугливого смиренья верный страж
в глухих покоех сонного рассудка...

Пробиться бы недремлющим умом
к пределам ясности и силы,
вибрируя тоскующим крылом
над скопищами радостей бескрылых!

Тот миг, что все перевернет
и все в моей судьбе устроит, —
не угадаю наперед,
да и, наверное, не стоит:
судьба и жизнь во мне самом
вершатся вечною борьбою...
Непоздно волей и умом
помериться с самим собою.

Забудь меня, праздное тело!
Сквозь слезы и смуты души
хочу, чтобы память не пела,
хрипела о днях, что ушли.

Все в жизни рождается в хрипе,
тревожно, неясно, грешно,
в гортанном младенческом крике
почувствовав истины дно.

Привычно читая молитвы
вещам, что украсили быт,
мы липким покоем облиты,
и ум наш отвагой забыт.

Опомнись, душа человечья,
сквозь слезы, сквозь смуты явись,
взмывая над телом беспечным
в свою неоглядную высь!

Они не видят и не слышат,
Живут в сем мире, как впотьмах...

Ф. Тютчев

Довольные, спокойные — они
не знают жизни в поисках мятежной,
и мысли их, и чувства их все те же,
как в до и... исторические дни.

Потомки вымирающих эпох,
наследники тепличных деградаций,
пока в одном сумели разобраться —
что этот мир уютен и неплох.

Как ненасытна легкой жизни власть!
Кого проглотит завтра?.. Неизвестно.
На торжище ума так много места;
лишь сил не пожалей — туда попасть.

Вот почему, сомненьями изрыв
свой бедный ум, и легкий и незрелый,
смотрю я вдаль до видимых пределов,
хватая сердцем дерзости порыв!

Жду обвала, как берег сыпучий,
ропот сердца теперь не сдержать.
Будет эхо метаться над кручей,
будет крепкий рассудок дрожать!
Вниз — по склону,
к глубинам обрыва...
Там зовет непокорный поток,
разгрызая преграды бурливо,
убыстряя движения ток.
Я отдам ему силу, и волю,
и себя без остатка всего,
растворяясь последнею болью
в каждой капле движенья его.

От земли удалил и состарил
вечно детскую душу свою,
на полвека до встречи оставил
одинокой на самом краю...

Темным стал, как закрытый колодец,
и чужим, как забытый отец.
Не народ, а сонливый народец
отвернулся и молвил: конец!

Спи, утешенный жизнью свободной,
убаюканный ясностью дня, —
но, разбуженный жаждой народной,
ты проснешься и вспомнишь меня.

* * *

Преодолеем ли испуг
огней приближенной Вселенной?
Мы вышли в самый близкий круг.
Мысль засияла в мгле нетленной.

Другая жизнь — другой закон
соприкоснулся с нашим телом...
Какой надеждою влеком
наш ум за видимым пределом?

Какое время там течет?
Какое встретит измеренье
рассудка точность и расчет
и сердца вечное движенье?

* * *

Над жизнью, забвеньем и славой
мерцает холодная высь.
Пустынно, легко, величаво
несметные звезды зажглись.

Могу их приветствовать криком
с надеждой на отклик всерьез,
глумясь над пространством великим
дерзанием нищенских грез.

Не будет ответа... И все же,
надежд моих призрачный вздор
для неба намного дороже,
чем собственный мертвый простор.

ВЗГЛЯД

К пустоте подниму я ладони
или к небу — не все ли равно:
не яснее уходит в бездонье
гул ночного пространства... Темно.

Так на дне океана, в глубинах,
что-то вспомнив о высших мирах,
слыша гул в запредельных турбинах,
все живое пугается... Мрак.

Он глухой, как ослепший Гомер,
он слепой, как оглохший Бетховен,
к вольной песне, как узник галер,
навсегда цепью мыслей прикован.

Осужденный на каторжный труд,
он крылатою цепью грохочет,
помня голос сзывающих труб —
тех, что видеть и слышать он хочет.

МЫСЛЬ

Перевертыш сердечного жара —
мысль в холодных порывах ума
ядовитей змеиного жала
и опасней, чем тиф и чума.

Но взываю, сутулясь и горбясь
от нелегкой и страшной любви:
за великую вольность и гордость
человеческой жизни — зови!

* * *

На теплую траву упав ничком,
я думаю о всех и ни о ком:
о всех, похожих разумом и телом,
и ни о ком за видимым пределом,
где наше Время сверлит микроскопом
иное Время любопытным оком.

Куда нас ведет мировая стезя?..
Ответил бы я, да ответить нельзя.
«Хватает ума — не хватает ума»,
об этом не знает природа сама —
стихийных усилий и воли полна,
лишь слово, как посох, вручила она.

Ночь. Бессонница. Тонкий рассвет.
Я на тихую улицу вышел,
кинул шапку в нетронутый снег,
Крикнул в небо... Никто не услышал.

Встал вопросом: «Что там впереди?»
Никому и себе не ответил,
не почувствовал сердце в груди —
ужаснулся... Никто не заметил.

Воздух чист, как глубокий родник.
Дом родной, как обрядовый идол.
Подожди!
Я еще не привык
доверяться надежде... Увидел.

ЕДИНСТВЕННЫЙ ДВОЙНИК

Когда внезапно слышит Он
зов безрассудного порыва
к пределам мысли,
в глубь обрыва
непредсказуемых времен, —
что слышу я
в тот славный миг,
свидетель чувственных явлений,
искатель редких впечатлений,
его единственный двойник?
Что слышу?..
То же, что вчера
и что, наверно, слышал вечно:
бессмысленна и бесконечна
с далеким будущим игра.

Ликую, сторонясь родства
с тяжелой поступью Грядущих.
Томятся плоть,
томятся души,
томятся помыслы живущих
природной жаждой естества.
Хватает лица для ума,
когда заходит день усталый,
минуя звездные кристаллы,
в прямолинейные кварталы,
в прямоугольные дома.

Все есть на солнечной земле:
любовь и страсти роковые,
надежд вопросы вековые
о жизни, счастье и тепле.
Есть полусвет и полутень,
когда в лесу увядшем пусто,
когда опорой для искусства
исправно служит свежий пень.
Невыносимы «почему?»
«зачем?»

и прочие загадки,
когда плоды с небесной грядки
облагораживают тьму,
когда всемирный соловей,
веселый, ветреный и юный,
туманит песнею своей
лоб поэтической фортуны.

Светает.

Тихо и легко,
тепло, таинственно, свободно.
Неинтересно далеко
мерцает лик звезды холодной.
И вот...

Заговорил птенец, —
крикливый, злой, большеголовый,
он замечает: в жизни снова
есть свет и пища, наконец.
Тысячекрылая волна
стрекоз и бабочек надменных
ломает сумерки мгновенно,
неистребима и вольна.
По зову родственных тревог
сплелись, запутались, сомкнулись
толкучки муравьиных улиц
в узлах наследственных дорог.

Проснулись, вылезли, пошли,
дразня, пугая, завлекая..
Нет им начала,
нет им края,
нет им неведомой земли!

ПЕРМЯКОВЫ

1

Санний путь
по-мартовски разжижен.
Мнут полозья снега старый лоск.
Резвый конь сноровкой не обижен...
Позади дорога на Щегловск.
Позади томительные сборы,
по ночам
сомнительные сны,
препустые бабьи разговоры
о капризах спроса и цены.
Позади сумятица базара,
смех на плаче,
давка,
толкотня,
сладкий миг рублевого угара
на исходе бешеного дня.

Тяжело поскрипывает сбруя,
переметник вытянут струной.
Тишины неслышимые струи
обегают сани стороной.
В незавидном
мерзком полушубке —
дух овчинный в оттепель слышней —
улыбаясь солнцу,

словно шутке,
дремлет сам хозяин тех саней.
Не страдая старческой одышкой
и простудной судорогой ног,
он доволен...

Греется под мышкой
золотой червонец, как щенок.
Золотишко в славе и при деле —
вся цена при нем и сила вся.
«Прикупить бы к будущей неделе
пуда три отборного овса!»

Продразверстка вымела амбары,
научила плакать и хитрить,
пить без хлеба жидкие отвары
и желудок с голодом мирить.
Но слушок пронесся от кого-то,
заставляя помнить каждый слог:
по стране,
теперь бесповоротно,
вводится единый продналог.
Это значит — верные излишки
на продажу, сев и на прокорм.
Это значит — будут ребятишки
по земле ходить не босиком.
Это значит — можно развернуться
без оглядки,
кто на что горазд,
в сапоги со скрипом приобуться
и скопить деньжонок про запас.

2

Пар струится с лошади послушной
от **узды**
до взмыленной шлеи,
пропадая дымкою воздушной...

Впереди деревня Шевели.
Впереди апрельский теплый ветер,
на носу весенняя страда,
огород — непаханный свидетель
и лицо крестьянского труда.

Поворот.

И вот он, дом невзрачный..
Ребяшня пристынет у кульков,
а жена воскликнет, чуть не плача:
— Здравствуй, муж мой,
Федор Пермьяков!

Пермьяковы

в каждом третьем доме —
на виду, как дружная семья.

О чалдонах

молкни при чалдоне:

полсела сваты и кумовья.

Пермьяковы

были в партизанах,

Пермьяковы

в ЧОНовских рядах

по тайге гоняли атамана

и разбили банду в пух и прах.

Мужики в деревне

не из ясных,

за словом не лазают в карман.

Ткни направо — бегавший от красных.

Ткни налево — бывший партизан.

Кое-кто

при всем честном народе

угрожает вслух, а не тайком:

погодите, голое отродье!..

И при этом машет кулаком.

И летят взаимные насмешки,

дальше — больше,

колья и дрюки,
а на случай,
чтобы не замешкать,
и обрез пристроен у руки.

3

У весны тревожная примета:
на сарае крыша протекла.
Много света,
очень много света
и не меньше вешнего тепла.
На дороге каверзная лужа —
снег по краю черн и пустотел.
У калитки лупит баба мужа:
он по пьянке
в воду залетел.
Воробьи чирикают отважно
на заборе в дымке голубой.
В огороде
весело и страшно
петухи бросаются на бой.

Дом распахнут.
Ветреные ставни
машут, будто крыльями весна.
Свив гнездо уютное в стакане,
распушилась верба у окна.
Сам хозяин
чинно и примерно
закурил и шумно завздыхал.
Он в своих мечтаниях, наверно,
все давно посеял и вспахал.
Вот и кум,
сосед Иван Григорич,
заскочил...

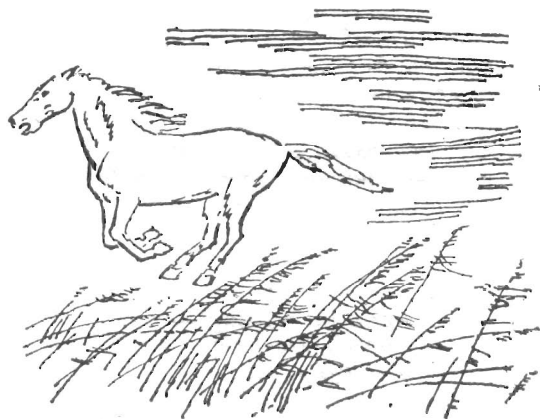
«Ты что же, Пермяков,
растуды твою печаль и горечь,
не заходишь, кум, до пирогов?
Променял я тощего теленка
на полпуда порченной муки,
и теперь вот
шустрая бабенка
из духовки мечет пироги.»

И расскажет новость горевую,
помянув провидческие сны:
уезжают, бросив мать родную,
за деньгой в Кольчугино сыны.
Старший сын,
хозяйственный и смирный,
на причуды вроде не живой,
так твердит
с ухмылкой настырной:
зашибу деньжонок — и домой!
А младшой,
уоставившись в газету,
очень наострился их читать,
заявил:
чтоб контру сжить со свету,
надобен в Америку десант!
«Это все от долгого безделья, —
скажет кум, —
Такая вот тоска!»
...И в шахтовых гулких подземельях
отзовется мертвая кирка.
Отзовутся мертвые заводы,
паровозы, домны и гудки,
открывая арочные своды
всем, кто ждал работы по-людски.
И рабочей выучке внимая,
подчиняясь мастерской руке,

голубая,
легкая,
живая,
заискрится стружка на станке.
Задымят котельные и домны,
и, пополнив домыслов изъян,
паровоз,
для здешних мест огромный,
напугает до смерти крестьян.
А мечтатель,
тайных мыслей голод
утоляя,
крикнет в небосвод:
«Мы вот здесь
построим новый город!..»
И рукой пространство обведет.

© 2000-2001 М. С. Гусев

БУБОР

1987

* * *

Страшат грядущие скрижали
утробным благом наших дней,
где мы без меры нарожали
самоубийственных идей.

Отринь разумное от страха,
и станет жизнь пустой дырой,
где мысль с компьютерным размахом
безумной тешилась игрой...

И ляжет слой культурной пыли —
какой идее на помин? —
на мегаполисы утиля,
в траву забвения — полынь.

На дороге твоей
расцвела, как невеста, удача —
все свершалось, сбывалось,
неслось в тривиальный успех.
Ослепленная молодость,
дерзкие замыслы пряча,
и беспечность свою
не считала за тягостный грех.

Ты поверил в успех,
обездолив себя в одночасье:
ты забыл, что бесславие
в жизни — священный удел
для того, кто судьбе
доверяя надежду на счастье,
неоглядную душу
однажды в себе разглядел...

Вот и мстит нам теперь
обезмысленным словом природа,
трафаретное небо
и черный, как ночь, хлорофилл.
Ты не помнишь души.
Я не знаю родного народа.
Как и ты,
я себя самого слишком долго любил!

* * *

Разлюбил я себя на минуту,
а потом разлюбил навсегда,
и теперь холодна почему-то
и светла моя жизнь, как слюда.

Неоглядного неба — до счастья!
Безрассудства ума — видит Бог!..
И качает меня слишком часто
на распутьях высоких дорог.

Вверх и вниз невесомое тело
так качает порой — что держись!
Знаю: жизнь обмануть не хотела,
потому что обманет не жизнь...

ПОЗИЦИЯ

Заявлены ристалищные темы,
Но надо ли, на риск или на страх,
архивные наращивая темпы,
докапываться: что лежит в гробах?

В гробах — мечта...
Глумятся фарисеи
и копят желчь бесплодные умы.
Недаром так внезапно обрусели
беспамятные выкормыши тьмы.

Гробокопатель чувствует поживу...
А ты, коль не лукавишь в эти дни, —
умри на месте —
дай альтернативу
всему, что есть... Но душу сохрани.

* * *

Мы славим боль,
посыпав солью раны,
омыв страдания чувственной слезой,
одновременно жертвы и тираны,
наильники над собственной судьбой.

Но истинно: не лги и не потворствуй
лжи в искупление,
не твори во зло,
и время у злопамятности черствой
отнимет все, что страхом нанесло.

Так, вопреки вражде и суесловью
стандартам боли,
страждущим клише,
спускается, как небо к изголовью,
спасение страдающей душе.

* * *

И тот, кто, конечно, все видел,
все слышал и горестно знал,
себя самого ненавидел,
себя самого презирал.

Наверно, он жил где-то рядом
в огромном, но тесном кругу,
где люди с тоскующим взглядом
встречались на каждом шагу.

В тисках вездесущих запретов,
инструкций, увязок, препон
не сочинял он куплетов
на череду похорон.

Он знал, что смеяться постыдно
над прошлым, тем паче грешно
для русского нрава...
Но, видно,
сегодня и это смешно.

* * *

Рисовальщики схемы трясут стариной,
заклиная эпохой, идеей, страной,
примеряя, как вечную память себе,
образ темного времени к нашей судьбе.

Видно, живы еще пейзажисты в стране,
что легко рисовали,
как будто во сне,
лучезарное солнце холодным домам,
ледяные дороги горячим умам.

* * *

Когда металл горит в огне
и воздух плавится в металле,
забудем ли, о чем мечтали
в каком-то очень давнем дне.

Тогда ручей бежал в овраг
для встречной жизни неопасной,
тогда от галочьих ватаг
темнело небо в полдень ясный.

Тогда хранил дремучий лес
любовь и память наших предков,
и сторожил вражина-бес
ночную песню птицы редкой.

Теперь же, выйдя со двора,
мужик — не враг, не чужеродец —
подлесок рубит на дрова,
в ладони плюнув, как в колодец.

* * *

И я правдолюбец, и я публицист,
когда не тревожу строкой чистый лист,
когда среди давних и верных друзей
на гроб лживых слов не жалею гвоздей.

Хочу, чтобы пело, светило и жгло
и вечной любовью на сердце легло,
что раньше молчало, темнело и жглось
о низкую спесь и высокую злость.

Но только к листу прикоснется строка,
над ней нависает не Божья рука —
зловещая тень без руля и ветрил...
Я правду свою не вещал, а творил!

ОТРЫВОК

В. Зубареву

...как будто все пригорки и холмы,
леса, помолодевшие во цвете,
дороги, выходящие из тьмы,
люблю один-единственный на свете.
Да, в этой жизни каждый одинок.
Но зацветет, засветит, заалет
весенний луг,
душа или Восток —
толпятся люди, любят и лелеют.

* * *

Один счастливый человек
прожил на свете ясный век
и замахнулся на другой,
и топнул праведно ногой —
как будто рухнула звезда...

Навстречу чисто, как всегда,
живая брызнула вода.

ДОМ У ДОРОГИ

Вокруг наряднее и выше...
Но жив и крепок старый дом
с резною выдумкой на крыше,
с поющим садом за окном.
Не гнутся темные стропила,
гнилье на бревнах не висит,
и все, что сплыло и не сплыло,
на чердаке о том свистит.
Здесь ночевал купец проезжий,
гонял чай лихой ямщик
и некий чин с помятой рожей
показывал уездный шик.
Сюда заходили феи,
что даром пляшут и поют,
и полномочные портфели...
Они, конечно, тут как тут.
Здесь побывал морозный иней,
когда взглянула со стены
тоска о муже и о сыне,
не возвратившихся с войны.
Бывал народец знаменитый,
незнаменитый тоже был,
из кружки, временем омытой,
одну и ту же воду пил.
И вот судьбинное течение
перевернуло сотню лет,
и молвит мудрое реченье,
что жизнь прошла, но смерти нет.

ПЕСНЯ ЗАПАДНО-СИБИРСКИХ СЛАВЯН

Европейцы, не бойтесь Сибири —
мы сломали последний острог,
мы последние дебри срубили
вдоль дремучих кандалных дорог.

Заграница оседлой Европы,
для Востока мы — западный склон,
где смешали славянские тропы
всех бродяг азиатских племен.

Только клонится солнце на Запад,
наши тени идут на Восток,
где сермяжный истрепанный лапоть
скинул предок в ледовый поток.

Это древняя воля тревожит
нашу кровь и небесные сны.
Это Родина смелость итожит
на краю океанской волны.

Потому для грядущих догадок
прояснился наш путь родовой.
Потому так божественно сладок
терпкий привкус судьбы мировой.

* * *

Когда крестьянин пашет, пашет,
в ушах его звенит, звенит
не молодое пенье пташек,
взлетевших в солнечный зенит,
не буйство ветра травяного
на просыхающих лугах,
не звук торжественного слова,
рожденный в праздничных губах...
То кровь звенит, то помнит время
о том, что почва просит семя.

* * *

В. Махалову

Я родился и вырос в деревне,
где хватает всемирных забот,
где живет-поживает издревле
работящий и добрый народ.

Он ворчит, багровеет, но тянет
вековую отсталость в прогресс,
где поставит последний крестьянин
над проклятым невежеством крест.

Крест тебе, золотая избушка,
на закате счастливого дня!
Крест тебе, вековая старушка,
что так славно стоит у плетня!

Всем вам крест.
Похороним, как надо,
нашу память, разбитую в пыль.
А грядущим детишкам в награду
сочиним легендарную быль.

* * *

Застывшее движение — мираж,
пространства ограниченного шутка,
пугливого смиренья верный страж
в глухих покоях сонного рассудка.

Пробиться бы недремлющим умом
к пределам свежей ясности и силы,
вибрируя тоскующим крылом
над скопищами радостей бескрылых.

* * *

Человек,
ты привык изрекать
с тайным смыслом пророческих миссий,
что твой разум — живая река
с многоструйным течением мысли.

Так подумай сегодня о том,
не во вред изреченному прежде:
почему покрываются льдом
эти реки любви и надежды?..

А не хочешь — наплюй-разотри! —
жди холодного смертного пота
и в бездонное небо смотри,
умываясь слезой идиота.

ВЫБОР

Выбирают дорогу на суше
беглый взгляд и стоячие уши,
острый нюх
и сверхпамять инстинкта —
баснословные силы реликта.

Выбирает дорогу в пространстве
только разум в союзе и братстве
с той судьбой,
что всегда роковая,
с той мечтой, что почти мировая.

* * *

Беспредельны дороги ума.
Непривычна бездонность пространства.
Но, привыкнув к теплу постоянства,
мысль приходит к покою сама.

Потому, торопя неизбежность,
время, словно живой океан,
намывает небесную свежесть
на глаза удивленных землян.

* * *

Душа забыта, небо безответно.
А человек?..
Он ропщет иль молчит,
и по земле закатно и рассветно
свою судьбу не носит, а влачит.

Когда же вдруг в созвездии Волчицы
живую плазму выбросят сосцы,
взревут пророки,
ахнут очевидцы
и заскрипят амбарные писцы...

И будет вновь задел у поколений
для объяснений чуда естества,
и торжества поклонных размышлений
у постаментов Буквы и Числа.

* * *

Если тонут расчеты ума
и таблиц интегральные своды
в исчезающих связях природы,
порождая бессмыслиц туман,
если время нежданной волной
рушит все, что казалось первичным,
неподвижным, надежным, привычным,
неподвластным системе иной —
человеческий ум бережет
от невежества сопоставлений
безрассудный избранник Вселенной,
что в иных измереньях живет.

* * *

Неизвестность пространство кольнет —
ярче солнца засветится высь,
дальше света поднимется мысль,
откликаясь на вольный полет.

Снизу — смерти пугающий крест,
сверху — мысль, обогнавшая свет,
выше — космоса чудная весть,
еще выше... Названия нет.

* * .

Наверно, мы все-таки дети
в пространстве, где тают черты
затерянных нами столетий
спрессованной немоты.

Наивно, легко, неустанно
мы верим сегодня пока
догадкам, что в будущем станут
бесплодными наверняка.

И все же, наивность — не бремя...
Недаром, рождая испуг,
пружиной сжимается время
в ладонях невидимых рук.

ДВУЕДИНСТВО

Воля пространства: я стал человеком
и причастился подаренным веком,
черной золой и зеленой травой,
солнцем невиданным над головой.
Имя сыскала кормящая мать,
дед перестал белый свет узнавать,
вместо него бросил чарку отец
в Горькое море... Счастливый конец.

И наступило начало начал:
долго я каялся, клялся, кричал.
Дружно семья успокоилась: бзык...
Был непонятен бессвязный язык.
Воля пространства,
прикрыло оно
яркую весть — голубое окно.
Время впервые не двинулось вспять.
Стал я молчать,
удивляться и ждать.

Жил кукушонок с кричащим дроздом —
странный, родной мой, таинственный дом...

Первую память пространство таит.
Память вторая, как время, летит...
Солнце в зените.

Столб света высок.
Сокол готов на высокий бросок.
Всадник до неба подняться готов —
воздух звенит от надсады подков.
Недра взрываются,
пухнет бетон,
рвется цветка золотистый бутон.
Рядом с цветами зеленый плетень,
теплой земли травяная постель.
А за плетнем удалой горбунок —
первая сказка
и первый урок.

Сгинь,
опрокинься, нутро средин!
Гадко на сердце от серых годин,
душно дороге от серых дождей,
муторно веку от серых идей.
Средняя жизнь — ничего и не все.
Средняя доля — ни то и ни се.
Средняя, серая... Это среда,
где не найти от начала следа.

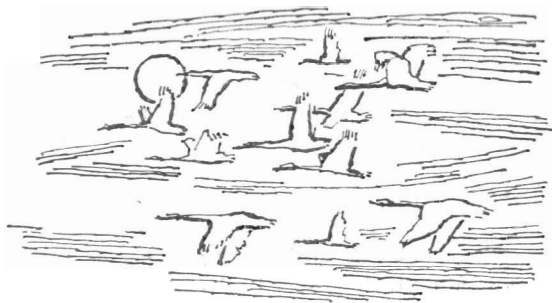
Прячься, страшилище, в темной норе,
радуйся, птица, весенней лоре.
Смейся, ручей,
откликайся, река, —
память вторая, как сердце, близка.
Славно, что Это случилось со мной,
славно, что Это назвалось Землей
там,
где великий небесный догляд
дозавершает последний обряд.
Жил кукушонок с кричащим дроздом —
странный, родной мой, таинственный дом...

Жизнь многовидна не только в гнезде,
а дальновидна всегда и везде
зрением острым,
как звездная пыль,
слухом надежным,
как сказка и быль,
в небе,
где свет пустоты не достиг,
в атоме,
где расширяется миг.
Вновь — да не будет мне Это виной! —
первая память встает надо мной.
Память вторая стекает с лица.
Я уйду за пределы конца.
Память на память...
Невиданный взлет,
соединения пламенный лед,
сдвига сознания огненный шар,
преодоления солнечный жар...

Не ожидания жалкий удел,
не прозябания мертвый предел —
знаков внезапных разгаданный звук,
жизни закрытой разомкнутый круг.

ОТЛЯЖИЦЫ ВНЕДР

1992

ОТЧИЗНЕ

Я верю тебе. Я забыл —
в твою ли позорную зрелость,
как первый мальчишеский пыл,
я вынес площадную смелость.

Смелее не скажешь: люблю!
По-прежнему, невыносимо,
в горячечном сердце терплю
твое бессердечное имя.

Но, если судьба — божий дар,
не родственной смерти и скорби,
то нежная верность — удар
по жизни, что давит и горбит.

* * *

Время не в радость и жизнь невдомек,
если в них нет справедливого гнева,
если хотел приподнять и не смог,
душу свою до всеобщего дела.
Слышишь?.. Пищит от мышиной возни
чувств мимолетных,
минутных страданий,
не потревожа небес и земли,
частных домов и общественных зданий.

* * *

Мне надоело жить с улыбкой тусклой,
с безвольным сердцем,
легким и пустым,
как надоел свой взгляд с надеждой узкой
и голос свой, что дерзости постыл.

Мне надоело жить с унылой жаждой
познанья дней,
похожих на позор,
куда напрасно вторгнется однажды
иная жизнь искать ответный взор.

Разлетелись рубленные строчки —
отощала рукопись вконец,
и дошел до самой крайней точки
безрассудной юности гонец...

Но не знает страха и системы
одержимость сердца, как весна,
ледяные взламывая стены,
оживляя в почве семена.

Ведь из трещин, впадин и развала
той земли, что выпластаю я,
вспыхнет вверх легко и небывало
свет надежды
к смыслу бытия.

* * *

Я поклонялся тайнам красоты —
опомнился,
когда увидел рядом:
чернеют травы,
мед сочится ядом,
двоятся люди в ямах пустоты.

Трясет меня невежества озноб.
Глаза не вырвут неба из болота.
Но все равно,
для будущего кто-то
подставить должен недостойный лоб.

* * *

Дрогнул Блок, заметался Есенин,
забывая родное лицо...
Это тьма ядовитых растений
посягнула на Древо Отцов:
обступила великое Древо,
землю рвет
и святое на ней,
окропив ненасытное чрево
кровной силой ослабших корней.
Неужели, как водится, снова
впереди — беспробудная даль,
беспросветного русского слова
забубенная жизнь и печаль?..

* * *

Когда клянусь — не рву рубах,
давясь, земли не ем
и не топчу священный прах
традиционных тем.

Я помню жителей высот,
парнасских силачей,
что возводили звездный свод
над тьмой моих ночей.

Я помню их спокойный слог,
живую мысль и страсть,
и все, к чему я ныне смог
с надеждою припасть.

Вот почему претит изыск
безродности слепой
и жалкий скомороший визг
над ветреной толпой.

* * *

Тлела жизнь, стихотворцы бубнили,
повторяясь, о том и о сем,
и в слепых повтореньях забыли
о высоком призванье своем.

Потому непонятно и дико —
без привычных и ясных имен
слышим вдруг над собою великий
нарастающий гул всех времен.

Что ж, возьмемся за «веди» и «буки»,
если голос высокий возник
и явились забытые звуки,
породившие русский язык.

ВИНА

Я виноват, что унижил свободу и волю,
в том, что труха оттесняет живое зерно,
тощее стадо плетется по голому полю,
память народа беспечно роняет звено...

Я виноват, что у правды в ходу междометья,
а у неправды в закланье святыя слова,
в том, что держава обыденно и незаметно
подростеряла на светлое имя права.

Где же истоки земной упреждающей силы
цивилизованной скуке и дикой гульбе?
Мечутся мысли растерянно-невыносимы...
Так виновато опять говорю о себе.

* * *

Научусь восхищенно молчать
перед зрелищной радостью века,
а на слово поставлю печать,
как на глупую блажь человека.

Что поделаешь, слово — не храм,
разрушается слишком заметно
по вине созидавших... А там
может вовсе пропасть безответно.

Кто же вспомнит, что высилось здесь,
будь то зрелища, люди иль храмы,
если слово исчезнет как весть
и свидетель сегодняшней драмы?..

Кто сроднится с пылающим днем
и пойдет, как вопрос за ответом,
даже страшно подумать «за светом»,
потому что страшней «за огнем»?..

Спи, душа. Далеки голоса
обманувших себя и природу,
вырубая тебя, как леса,
оскверняя, как чистую воду.

В. Баянову

А что мне пропеть о родимой земле?..
Да разве споешь на горячей золе,
когда на глазах прометеев огонь
рождает чудовищ и адскую вонь.

Ни славы, ни доброго имени нет
у этих дымов, проглотивших рассвет,
у мусорных гор,
у гнилых пустырей,
у речек, не видевших век пескарей.

Какие там, к черту, подробности дня,
когда я не вижу в деревне коня,
когда я не слышу в овраге ручья,
когда даже кровная память — ничья?!

Не спасут от беды и напасти
наши реки, поля и леса
ни трибуны прогресса и власти,
ни языческие голоса.

Видно, мы поспешили с ответом —
«Что же есть человек и когда
примиряется он с этим светом,
как с естественным руслом вода?»

Нет ответа у жизни без края,
если спит под вопросом душа...
А бесспорная спесь мировая
на поверку не стоит гроша,

Увы, нелегко отойти от соблазна
красавицы рифмы,
метафоры легкой,
от мелких страстей и недоброго сглаза
кричащих глаголов тщеты недалекой.
Совсем тяжело,
если мысли пригрелись
и плотно притерлись к ходульной идее,
и тащат поэта в свидетели зрелищ
нахлебников слова, что вечно при деле.
Смертельно, когда перед сердцем пустыня...

На полпути к высокой цели
растут деревья и цветы
и воздух чистый и бесценный
с тобой, единственный, на ты.
Единственный, неповторимый,
ты доверяешься судьбе —
природе слышимой и зримой,
да так, что кажется тебе,
что цель туманна и бесплодна,
а жизнь, рассудку вопреки,
легка, осмысленна, свободна,
как свежий ветер от реки.

ПРОЦЕСС

Смели, сломали, развинтили,
взорвали, вытрясли, сожгли,
инстинкты древние развили
и мастодонтов развели...
Очнулись. Мысли разогнули.
Сложили головы в былом.
В провалы памяти взглянули,
пытаясь строить новый дом.
И вот в тревогах созиданья
пространство темное встает —
и не хватает подсознанья,
и знания недостает.

А. БЛОК. ПЕЙЗАЖ 1917 ГОДА

Дым отечества... Ветер. Береза.
Полумрак. Полудождь. Полуснег.
Бесконечно-равнинная проза
дня, которому имени нет.
Только в сердце, восставшем из дыма,
полумрак изгоняется в свет...
Это вспыхнуло новое имя
дня поэзии Родины — снег.

СЛОВО

Придет иль грядет, иль взойдет
и, став для привычного ядом,
бесплодное дело убьет
и все прораставшее рядом.

Явление слова — завет
в любое пространство и время,
где мысли пронзительный свет
для жизни — счастливое бремя.

Болтаются в воздухе груды металла.
Ползет по земле холод каменных льдин.
Стенанья Сизифа и муки Тантала
познал человек, — и один на один
с тишайшей волной заповедного звука
он слышит, как полнится утренний лес
сверхновой слезой,
что не видит наука
всевидящим оком радарных небес.

* * *

Когда придет из новых дней,
забудет жизнь совсем иуду,
вражду и зависть... Все о ней
я предугадывать не буду.
Ведь каждый это понимал,
когда Она дышала близко,
но голоса не поднимал
в кругу молчания и писка.

Завтра вплетут мне без жалости
каждое лыко в строку.
Нет беспощаднее зависти
на огородном суку. ...
Каркает птица приметная,
вечный пророк пустоты...
Катится эхо ответное
от беспроглядной тщеты.
Но все равно прорывается
в странном, как жизнь, неглиже
истина, что называется
или назвалась уже...

* * *

Утильная земля
и воздух аммиачный,
кислотные дожди,
прокисшая среда,
а по утрам в среде,
как допинг, дым табачный,
зеленая в стакане
то водка, то вода.

Мужайся, царь и бог,
венец всех мирозданий,
цветными децибелами
глуши дебильный быт —
тебя найдет всегда
во тьме насущных знаний
по радиоактивности
вселенский следопыт.

ПАМЯТНИК

У высокой бетонной межи,
разделяющей стили строений,
появился чугунный мужик,
может, пахарь, а может быть, гений.
Он — венец легендарной молве:
из далекого прошлого родом,
он ходил по зеленой траве
и дышал голубым кислородом.

* * *

Старый век рассказывает сказки
об ушедшей юности, как быль.
Кажется, что можно без опаски
трогать историческую пыль...
Но встает жестокое пространство
между тьмой и темными людьми,
беспощадно, губительно и страстно
указуя в радостные дни.
И встают проклятые вопросы,
наступая больно на мозоль...
И съедают язвы и коросты
чистоту и праведную боль.
Лучше-ка послушаю я деда —
как гостил он, связанный, у крыс,
как тоску предсмертную изведal
и зубами узел перегрыз.

Сентиментальна любовь, как бывшее.
Дерзкая молодость, время лихое,
не совмещаясь, остались в бывшем...
Доброму молодцу все поделом.
Светлым ли словом пробьется к народу
иль заглядится в смертельную воду —
всюду столетние волны-круги,
лики торжественны, взгляды строги.
То ли бывшее надеждой питает,
то ли грядущее в чем-то пыгает
душу смятенную... Это тиски
сентиментальной любовной тоски.

* * *

Где-то здесь, вторя ветру и лесу,
мы сошлись со случайных сторон
и ушли под ночную завесу,
и пропали, как утренний сон.

Пропадали мы, словно иголки
в шелестящих от ветра стогах,
за сто верст от беды и размолвки,
от небесной любви в двух шагах.

Почему же один пропадаю,
сделав шаг к неземным голосам,
на земле, где печально гадаю
о любви, что накликал я сам.

* * *

Вот и все. Наконец наступила развязка нашей странной любви... Я о чем говорю! Разве это любовь, если жалкая маска нерастраченных чувств прикрывает игру? Разве это любовь, если нежная мука нас сближает на время, а следом опять по углам отчужденья слоняется скука и навстречу глазам головы не поднять?

* * *

Ты опустишься ниже и ниже,
я все ниже и ниже сойду...
Скажешь ты: я оттуда не вижу.
Я скажу: я оттуда не жду.

И не будет тоски для утраты,
как не будет слезы для прикрас —
ведь любовь, что страшнее расплаты,
так редка, что не знает о нас.

* * *

Счастливой девочкой была,
наивной, ветреной, веселой.
Столкнулась с горем — поняла...
И стала женщиной суровой.

Взойдет ли утро на крыльцо,
иль светлый день пойдет на убыль,
я вижу хмурое лицо
и жестко сдвинутые губы.

Как больно ей беду скрывать
у трудной жизни на примете.
Как горько мне подозревать,
что счастье есть на белом свете.

* * *

Расстались. Нас жизнь не рассудит
в награду за позднюю грусть.
Что было, что стало, что будет,
я знаю давно наизусть.

Ты выплачешь зыбкую долю,
ступив за поклонный порог,
я встречу железную волю
немилосердных дорог.

Но в жизни тяжелой, нескладной,
где силу душа обрела,
была моя даль неоглядной,
как ты ненаглядной была.

* * *

Юность кончилась.
Подорожала
жизнь, как мысль на пределе ума,
ближе к сердцу придвинулась,
сжала —
стала мыслью и сердцем сама.

Не поэт, не пророк, не предтеча,
не предвестник грядущих времен,
я смиряюсь судьбой человеческой
с тем, что жив и любим, и влюблен.

* * *

Любил я в юности легко,
легко смотрел на жизнь глазами,
а если плакал — далеко
не настоящими слезами.
И только там, у глубины
неясных чувств и смутных истин
я плакал горько без вины
и трудно жил, и трудно мыслил.

ПОВЕСТЬ О ТРЕТЬЕМ

Мы подолгу сидели втроем:
улыбалась она благосклонно,
я смеялся легко и влюбленно,
третий думал о чем-то своем.
Дальше — больше...

Он стал исчезать
слишком часто, но слишком несмело:
уходя, приходил то и дело,
порываясь куда-то позвать.
А однажды явился, как сон,
беспощадный,
тревожный и страшный.
И ушла легкость жизни вчерашней
с благосклонной моей в унисон...
Я с тех пор
не хочу быть, как все —
и живу, и люблю, как во сне...

* * *

Не пишу я любовных стихов,
потому что они — позолота,
слабый оттиск огня,
позевота
от расхожих, как юность, грехов.

Если все же являлась Она,
то, увы, не в фате подвенечной.
С бледным слогом
и рифмой увечной
не сидел я всю ночь у окна...

Но, лишая разгульный язык
лицедейских привычек иуды,
полюбил я страдальческий лик,
что во храмах святится, как чудо.

НОЧНОЙ ОСМОТР

Я дверь взломал в ночной звездоворот...
И появились, предвещая нечто,
дыра, звезда,
нездешний черный кот,
что из нормальных выписан навечно.

Я почитаю случай неземной,
я доверяю сказочным приметам,
когда дыра зияет предо мной
и черный кот, естественно, при этом.

Да будет страшной дьявольская ночь
для всех, уснувших тихо на постели!
Нездешний кот меня уводит прочь
через дыру от сонной канители.

Итак, хвала:
хвала моей звезде,
хвала коту с небесными глазами,
хвала дыре повсюду и везде,
где брезжит новь, неведомая нами.

* * *

Живу один в пространстве темном,
где неизвестность — бред и страх,
где мысль дрожащим эмбрионом
едва присутствует в мирах.

Но в том, что проблеск мысли бедной
возник во мне,
а не во мгле,
не поклянусь живою бездной
пустым вершинам на земле.

ОДНАЖДЫ

...И тягостными станут жизни свод
и темная судьба людей, — когда
безумие в наш гордый ум войдет
из мертвого пространства без следа.

Но трудно верить в тот жестокий век,
не верится в ту сумрачную суть,
где неосмыслен будет человек,
бессмыслен человеческий наш путь.

* * *

Две области — сияния и тьмы —
Исследовать равно стремимся мы.

Е. Баратынский

Не измерить привычным аршином
расстоянье от света до тьмы,
где видением несокрушимым
появляемся медленно мы.

Потому так зовет и смущает
все, что брезжит оттуда и там,
где пока пустоту предвещает
неизвестность, известная нам.

Что ж, рискну, как душа перед телом,
и по вольному вдоху груди
поднимусь к самым темным пределам
с ясной верой, что все впереди.

Но предельно пустынна свобода,
непонятно стремленье мое
тем, кто ясное имя Природа
вечно путает с жизнью ее.

* * *

Небесный свет перерождает воздух...

А. Кольцов

С необъятных равнин бытия
поднимается разум высокий
для приниженной мысли жестокий,
как для жизни приниженной я.

Поднимайся, мужайся, иди...
Много в мире глубин неприступных,
много темных дорог на распутьях
и безвестных пространств впереди.

Дай же свет своему бытию.
И приму я, как ветер площадный,
отчуждение,
смех беспощадный
и родную жестокость твою.

И отчего же в общем хоре
Душа не то поет, что море,
И ропщет мыслящий тростник?

Ф. И. Тютчев

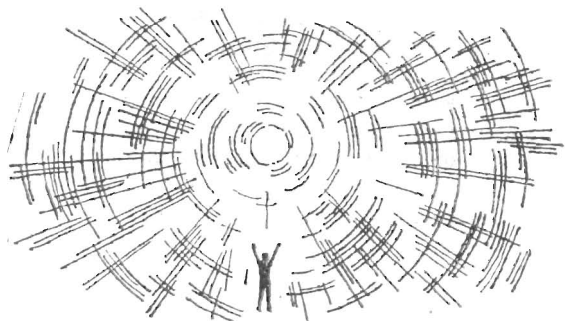
Своя печаль у инобытия:
о разуме, зачисленном в пророки
инертной жизнью, вынужденной в сроки
засеивать пределы и края...

Пророчь сама летальный ход утрат
голодных чувств и сытых впечатлений.
А разум... Он всего лишь добрый брат,
но, слав Богу, твой недобрый гений.

Давно глядит он смерти не в лицо,
а сквозь лицо с размахом исполина
и стал живым подобием нейтрино,
проткнувшего вселенское Кольцо.

А ты официально, не тайком,
гордись цивилизованным познанием,
насущным счастьем, зрелищным страданием,
замысленным до скорби тростником.

ДО ВУДУМНЫХ
ПРЕДЕЛОВ

1996

* * *

Много подробностей в мире продольном
и поперечном...

Устанешь чихать,
если пылинки в дыхании вольном
вздумаешь вдруг до одной сосчитать.

Прет, как бацилла, пустая фактура,
заполонив стихотворный словарь.
Если же ты не природная дура,
мысль,
в глубине заморозь эту тварь!

* * *

Была ему звездная книга ясна...

Е. Баратынский

День провожаю, встречаю рассвет,
а в промежутке дружу с чернокожищем.
В дружбе такой просветления нет —
каждый из нас оскорблен и унижен:
я оскорблен униженьем ума,
ахнув над бездной вселенского мига,
скорбью моею унижена тьма —
тщетным умом нераскрытая книга.

* * *

Один выращивает фрукт
незримый никогда...
Но поражает дерзкий труд
осмысленность труда.

Другой грозитя вырвать суть
из дерева Добра...
Но прерывает дерзкий путь
сверхчерная дыра.

А третий «тот и этот труд
пределен» — говорит,
грызет себе тот самый фрукт
и в ту дыру глядит...

* * *

Посвященный в свою неизбежность,
понимая твой зов за призыв,
поражаю закрытую местность
вспышкой света, похожей на взрыв.

Посвященный,
тебе посвящаю,
как запал, устремленный в заряд,
жизнь свою, что отдать обещаю
за жестокий, но вечный обряд.

* * *

Увижу небо в темной луже,
где гордый червь прядет волну —
иль поднимусь к высокой стуже,
иль к теплой плесени прильну.

Прекрасен мир, когда огромен,
он поражает глубиной
склоняющихся к луже темной,
где червь тягается с волной.

* *

В. Ширяеву

Зло постигнет наказание.
Встречный скажет: бред!
И покажет в назиданье
собственный портрет,
вспомнит вдруг о всепрощенье,
о всемирном зле,
сказку о царе Кощее,
вечном на земле...
Видно, есть нужда в Завете,
в днях, что страхом жгут,
если и на этом свете
мертвецы живут.

* * *

Много слов у напутственной речи...
Я на жизнь молчаливо гляжу,
только сжатое имя предтечей
про себя, как надежду, твержу.

Не совсем еще память дырява,
но волнением отшибло края —
вдруг да вынырнет слева иль справа
безрассудная юность моя.

Я встречаю.
Все в жизни готово,
и явлению явиться дано...
Вспомню, вспомню я лучшее слово,
что услышать ему суждено.

* * *

Когда, как водится, однажды
меня сведет к столбу зоил,
я поклонюсь минуте каждой
за то, что в этом мире жил.
И, почесав в раздумье темя,
и, глядя ясно из-под век,
пойму, что время это... время,
а я лишь встречный человек.
И потому слыву опасным
у тех, кто жив своей средой,
кто ставил крест между Парнасом
и вифлиемскою звездой.

* * *

Я знаю, этот мир духовен,
но невнимателен на слух,
почти глухой... но я не склонен
опровергать высокий дух.

Я видел, как поводырями
нас окружал бездумный взгляд,
почти слепой... но — свет над нами! —
не повторял я слепо клятв.

Я верил: жизнь — не бремя духа,
не кровь для фарисейских драм,
а страсть для зрения и слуха
с духовной жаждой пополам.

* * *

Пощады не жду от любви без надежды.
Закрою глаза или очи иль вежды,
пугают священную память о жизни
над мыслью необщей позорные тризны.

А мысль оживает над кровью и страхом,
над мертвым костром и развеянным прахом,
над темной судьбой, что не сбудется рано,
что в небо зовет молчаливо и странно.

На темной дороге, на темном пороге
оставлю я вешнее сердце в тревоге
за жизнь, что врывается в космос, не зная
единства и братства до встречного края.

* * *

Когда увидишь в небе облака,
а на земле пустынную дорогу, —
не сравнивай!..

Дорога далека:
и здесь, и там она приводит к Богу.

Таинственны земные пустыри,
поляны света,
темные дубравы,
небесные огни и пузыри,
воображенье и рассудок здравый.

Когда блистает звездами лицо,
нет выше слов прекрасней и дорожке,
что замыкают Млечное Кольцо —
и жизнь мою, и твою радость, Боже...

* * *

Жизнь разума таинственней, чем смерть,
спасительней и глубже
мысли тайной:
здесь можно все предчувствовать и сметь
и стать родным Галактике случайной.

Какой раскол на поприще земном:
став полузверем,
слыть за человека —
не разумом, а телом век от века
и чувствовать, и помнить об ином...

* * *

Раздвоен мозг.
В зеркальной половине
он до краев наполнен и богат
подробностями жизни, где поныне
ум пребывает, словно сводный брат.

О бедном брате,
вынужденном смертью
страшить себя, осмысливая путь,
где стать родным легко, как солнцем, свету,
моя печаль... И, может, в этом — суть.

* * *

Ну почему мы счастья не выносим...
Издравле у земли и у богов
берем силком
иль милостиво просим —
о, если б только пищу или кров!

Об этом ли молчит насущный хлеб,
что в полном смысле
истину рождает,
что в равной мере память освежает,
врачуя всех,
кто сердцем глух и слеп.

Цветет земля,
и зреет звездный свод,
плодится мысль богатая, как осень,
и каждая взыскует и зовет...
Но почему мы счастья не выносим?

* * *

Если завтра будущего глыба
в пустоте не высечет огня,
я войду в нее, как пламя,
ибо
жизнь, как пламя, выйдет из меня.

Не ищу в чужой душе потемок,
потому что есть в ней, как на грех,
пустота...
А нищенских котомок
хватит в светлом будущем на всех.

* * *

Говорить бы светло и красиво
о любви,
лить слова, как вино,
улыбаясь в пространство счастливо...
Говорю тяжело и темно.

Мгла инстинктов и ночь подозрений,
словно псы,
рвут горячую кровь,
где замешана горечь измены
на спирту, заменившем любовь.

▶ Все забыть!
Но в провалах рассудка,
как видение солнечных дней,
вдруг мелькает цветок незабудка...
Я еще вспоминаю о ней.

* * *

Наше время идет
и, быть может, стоит неподвижно,
потому что «быть может» — не время,
а Нечто в Ином,
что не двинешь с нуля
даже самой осмысленной жизнью,
называя бессилье
то смертью, то вечным огнем.

Поклоняюсь тебе,
неподвластное славное Нечто.
Невозможное — Богу,
а мне милосердный ответ
не от вещей небес —
да пребудет высоко и вечно, —
от себя самого...
Да увижу спасительный свет!

* * *

Когда устанешь жизни крест нести
и поклоняться времени, как тайне,
родную душу в небо отпусти...
Тебе — покой, ей — вечное скитанье.

А если вдруг предельные края
разбудит мысль,
как рана ножевая,
не беспокойся... Это не твоя —
небесная,
                    глубокая,
                                    живая.

* * *

Хвала природе, разум — не паук,
и, слава Богу,
мысль — не паутина,
свободно и легко, без карантина,
пронизывает время, свет и звук.

Наверно так
с ответной глубиной
роднится жизнь без лишней корректуры,
осмысленная собственной волной,
осознанная собственной структурой.

* * *

На чистой земле
ни куста, ни травинки,
бескрайняя ровная снежная гладь...
Здесь хочется быть — а не жить, —
по старинке,
отдав Богу душу — свою благодать.

Как горько искать
вечный путь над равниной,
бытийствуя только по звездным огням,
без вещего сердца,
без веры невинной
в любовь, что с рожденья завещана нам.

· * *

Перед жизнью, перед смертью
невиновен божий дар...
Я иду широкой степью,
впереди идет пожар:
высветляется дорога,
что натоптана не мной —
паства Человека—Бога
огибает шар земной.
Круг за кругом,
свет за светом,
ярче света — колея,
что назвали люди следом
и назвал дорогой я.

20 ВЕК

Спасибо и на том...
И в образе суровом
ты славен и велик,
во веки всех веков,
единственный из всех,
кто хлебом, а не словом,
пытался осчастливить
всех сущих едоков.

Теперь жуют свой хлеб,
не твой, не суррогатный, —
фосфатный и нитратный,
не травленный слезой,
а я, в конце концов,
не разговор приватный,
для всех и навсегда
затеял, жизнь, с тобой.

* * *

Удивляюсь тебе, многоцветье,
разновидности встречный привет!
Многошумные травы и ветви
не заслонят единственный свет.
Не унизив пророческий разум
примирившихся с небом идей,
ибо прошлым и будущим,
разом,
наградило пространство людей:
вечной памятью,
чтоб не забыться,
дерзкой мыслью,
чтоб думать и сметь,
светоносной волной возродиться —
лишь частицей ее умереть.

* * *

Стихи, стихи...
Кто им судья —
читатель, критик,
друг случайный
иль век разломный, чрезвычайный
в опасной зоне бытия?

Когда б предвидел даль и высь,
вернул бы небу дар зоила:
свою опаснейшую мысль
в макулатуру и в чернила.

ОНА

Она ведет по гибельным местам,
подталкивает к бездне мироздания.
Я падаю...

Она встречает там,
следит, чтобы упал без опоздания.

Падение — свобода и полет.
Она молчит,
что значит одобряет:
неведомым пугает и влечет,
а ведомым пространство окрыляет.

Когда умру с разбитой головой,
без крыльев,
обескровленный движеньем,
Она продирижирует тот вой,
что кончил я обыденным паденьем.

* * *

Стихотворцев назвали поэтами
поголовно,
как стаю ворон.
Но поднять иль унизить куплетами
невозможно незыблемый трон.

Невозможно глаголящим каинством
с первородной утробой греха
заслонить запредельное таинство
и духовную силу стиха.

О лукавый народ!
Всеми лирами
лицедейство сравнивали с лицом
и загадили воздух кумирами,
пустоту облачая венцом...

Слава Богу, что мысль не венчается,
как стихи —
тайна мысли проста:
и уходит она, и встречается,
но всегда самозванно чиста.

НАЗИДАНИЕ

У искусства по хитрому найму
проживая, как вечный Балда,
жду, когда не случайно над нами
и моя замерцает звезда.

А когда загорится планида,
освещающая потемки небес,
шли хоть к черту, расплату предвидя, —
и мудрейший не выручит бес.

Срок кончается... Плату на бочку!
Подставляй свой искусственный лоб.
Как последнюю в жизни отсрочку,
подарю я тебе потолок...

А пока назиданье, искусство:
никогда не валяй дурака,
ибо время,
где временно пусто,
может вовсе лишиться языка.

* * *

Знание — сила.
Познание — радость.
Плоти и разума — вечная сладость
в мысли насыщенной,
в крови родовой,
в жизни естественной, как таковой.

Вот почему так прочна философия
жизни, где властвует физиология,
так изначально сильна патология
творчества, где постулат — аналогия...

* * *

Не почитаю рифм глагольных,
не потому, что в позах вольных
слова теряют смысл корней,
а потому что путь длинней
к строке,
где горше и страшней
бессмысленность дорог окольных.

* * *

Поэзия сложна, но явно проще
смешных надежд на вечность бытия,
где можно просто жить и мыслью тощей
продлять свое чувствительное я.

Приемлю жизнь счастливей час от часа,
не убоившись смерти, как огня:
родная смерть всегда спасет от счастья
стать вечным прахом прожитого дня.

Тому, кто сам становится движеньем
природных сил, как собственных идей,
не предстает таинственным виденьем
соединенье неба и людей.

Вот почему на том запретном свете
забита щель для жизни смотровой,
и не видна надежда на бессмертье,
раздавленная скорбью мировой.

* * *

С. Донбаю

Кабы знал, что богатая вспашка
обвенчает с небесным огнем,
оборвал бы судьбу,
как ромашку,
закопал бы стихи в чернозем.

Пусть царит самовластное время,
низко стелет,
встает на дыбы —
все равно непорочное семя
глубже самой высокой судьбы.

ИСХОД

Когда увижу свет родной Вселенной,
и время вновь начнется от нуля,
когда душе,
от жизни беспредельной,
предстанут беспредельные поля, —
да будет Божьим даром
не зеркальный,
а первоначальный — вечный,
но Иной,
где мой исход торжественно летальный
опять столкнется с древней новизной.

* * *

Благословенна мысль. Недаром
почти родным небесным жаром
объемлет разум... Жизнь молчит,
существование влачит.

Раздвоенно существованье:
одно — из мрака упованье
на опыта цветущий след,
другое — сокровенный свет.

И мнится: в свете несиянном
сокрыт завет о мире званном,
где жизнь в единственном лице
благословенна, как в Творце.

* * *

Послушники неба,
не тщитесь слыть тварью земной:
вселенской любовью,
для этого мира иной,
не сбить с предрассудков
насмешников славы Творца —
они никогда не узнают родного лица
на этой планете,
где высшая жизнь так проста
под пламенной бездной
поникшего к долу Креста.

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАША ЖИЗНИ, 1977	5
«С чистым небом над черной спиной...»	6
Дерево	7
«Жизнь проста, как кипящая влага...»	8
«Воздух легкий, воздух вольный...»	9
Желания	10
«Внизу, в воде, качался лес...»	11
«Проснешься, думая, что спишь...»	12
Дома	13
«В памяти давнего детства...»	14
«Все кажется, будто вчера...»	15
«Я помню желтые овины...»	16
Звук	17
«Темна дорога. Улица темна...»	18
«Как сладко вдыхать из ладоней...»	19
«Чую тепло, слышу оклик на дереве птичий...»	20
«Весна. И мне семнадцать лет...»	21
«Прыгну во тьму, подоконник не чую ладонью...»	22
«Эта улица мне знакома...»	23
«А разве не красива ты...»	24
«К обеду выпал первый снег...»	25
«Улетели стаи диких уток...»	26
Воспоминание	27
«И с бессмысленной радостью есть...»	28
«Упорхнула куда-то кровать...»	29
«Надо, любимая, надо...»	30
Приглашение к песне	31
Сказка	32
«Я взгляделся в живое пространство...»	33
«Мы ценим вино золотое...»	34
Пушкин	35
«Я теперь не верю, что возможно...»	36
«Я расскажу когда-нибудь о том...»	37
Портрет	38

Железный гром	39
«То испорченный вкус, то ослабшее зренье...»	40
«Есть память лет, которую не спросишь...»	41
«О, первозданный майский лес!..»	42
«Светлым да будет весь мир...»	43
Было	44
Вера	45
«Жизнь закрытых наглухо болот...»	46
«Если родиной память зовется...»	47
Истоки (отрывок из поэмы)	48
Первый день лета (отрывок из поэмы)	50
СВЕТ ВНЕЗАПНЫЙ, 1983	53
«Деревянная изба...»	54
«Провалился я тридцать три года...»	55
«Здесь, где любви и тепла колыбель...»	56
«Как хочется порою быть похожим...»	57
«Улетают птицы. Облетают...»	58
«Я подумал о тех, кто, смеясь...»	59
«Среди сценических затей...»	60
«Мистика — освящение хлеба...»	61
Отсутствие	62
«Когда в душе глубокий беспорядок...»	63
Освобождение	64
Мертвое стихотворение	65
«Ничего не прошу у судьбы...»	66
«В родительском доме качаются стены...»	67
«И человек, творец эпохи инвалидной...»	68
Быль	69
Время	70
«Есть вечные думы...»	71
«Зачем я жду рассвет далекий?...»	72
«Белым мальчишкой бродил я по черному полю...»	73
«Преодолеем ли испуг...»	74
«Душа и рассудок равны...»	75
«В невидимой безмолвной тесноте...»	76
«Тот миг, что все перевернет...»	77
«Забудь меня, праздное тело!..»	78
«Довольные, спокойные — они...»	79
«Жду обвала, как берег сыпучий...»	80
«От земли удалил и состарил...»	81
«Преодолеем ли испуг...»	82
«Над жизнью, забвеньем и славой...»	83
Взгляд	84
«Он глухой, как ослепший Гомер...»	85

Мысль	86
«На теплую траву упав ничком...»	87
«Куда нас ведет мировая стезя...»	88
«Ночь. Бессонница. Тонкий рассвет...»	89
Единственный двойник	90
Пермяковы	93
ВЫБОР	99
«Страшат грядущие скрижали...»	100
«На дороге твоей...»	101
«Разлюбил я себя на минуту...»	102
Позиция	103
«Мы славим боль...»	104
«И тот, кто, конечно, все видел...»	105
«Рисовальщики схемы трясут стариной...»	106
«Когда металл горит в огне...»	107
«И я правдолюбец, и я публицист...»	108
Отрывок	109
«Один счастливый человек...»	110
Дом у дороги	111
Песня западно-сибирских славян	112
«Когда крестьянин пашет, пашет...»	113
«Я родился и вырос в деревне...»	114
«Застывшее движение — мираж...»	115
«Человек, ты привык изрекать...»	116
Выбор	117
«Беспредельны дороги ума...»	118
«Душа забыта, небо безответно...»	119
«Если тонут расчеты ума...»	120
«Неизвестность пространство кольнет — ...»	121
«Наверно, мы все-таки дети...»	122
«Разлетелись рубленные строчки...»	123
Двуединство	124
ОГЛЯНИСЬ ВПЕРЕД, 1992	127
Отчизне	128
«Время не в радость и жизнь невдомек...»	129
«Мне надоело жить с улыбкой тусклой...»	130
«Я поклонялся тайнам красоты...»	131
«Дрогнул Блок, заметался Есенин...»	132
«Когда клянусь — не рву рубах...»	133
«Глела жизнь, стихотворцы бубнили...»	134
Вина	135
«Научусь восхищенно молчать...»	136
«Кто сроднится с пылающим днем...»	137

«А что мне пропеть о родимой земле...»	138
«Не спасут от беды и напасти...»	139
«Увы, нелегко отойти от соблазна...»	140
«На полпути к высокой цели...»	141
Процесс	142
А. Блок. Пейзаж 1917 года	143
Слово	144
«Болтаются в воздухе груды металла...»	145
«Когда придет из новых дней...»	146
«Завтра вплетут мне без жалости...»	147
«Утильная земля и воздух аммиачный...»	148
Памятник	149
«Старый век рассказывает сказки...»	150
«Сентиментальна любовь, как бывшее...»	151
«Где-то здесь, вторя ветру и лесу...»	152
«Вот и все. Наконец наступила развязка...»	153
«Ты опустишься ниже и ниже...»	154
«Счастливой девочкой была...»	155
«Расстались. Нас жизнь не рассудит...»	156
«Юность кончилась. Подорожала...»	157
«Любил я в юности легко...»	158
Повесть о третьем	159
«Не пишу я любовных стихов...»	160
Ночной смотр	161
«Живу один в пространстве темном...»	162
Однажды	163
«Не измерить привычным аршином...»	164
«С необъятных равнин бытия...»	165
«Своя печаль у инобытия...»	166
ДО ВИДИМЫХ ПРЕДЕЛОВ	167
«Много подробностей в мире продольном...»	168
«День провожаю, встречаю рассвет...»	169
«Один выращивает фрукт...»	170
«Посвященный в свою неизбежность...»	171
«Увижу небо в темной луже...»	172
«Зло постигнет наказание...»	173
«Много слов у налутственной речи...»	174
«Когда, как водится, однажды...»	175
«Я знаю, этот мир духовен...»	176
«Пощады не жду от любви без надежды...»	177
«Когда увидишь в небе облака...»	178
«Жизнь разума таинственней, чем смерть...»	179
«Раздвоен мозг. В зеркальной половине...»	180
«Ну почему мы счастья не выносим...»	181

«Если завтра будущего глыба...»	182
«Говорить бы светло и красиво...»	183
«Наше время идет...»	184
«Когда устанешь жизни крест нести...»	185
«Хвала природе, разум — не паук...»	186
«На чистой земле...»	187
«Перед жизнью, перед смертью...»	188
20 век	189
«Удивляюсь тебе, многоцветье...»	190
«Стихи, стихи... Кто им судья...»	191
Она	192
«Стихотворцев назвали поэтами...»	193
Назидание	194
«Знание — сила. Познание — радость...»	195
«Не почитаю рифм глагольных...»	196
«Поэзия сложна, но явно проще...»	197
«Кабы знал, что богатая вспашка...»	198
Исход	199
«Благословенна мысль. Недаром...»	200
«Послушники неба...»	201

Литературно-художественное издание
КОВШОВ Валерий Васильевич
Стихотворения

Редактор **С. Л. Донбай**
Художник **В. Громов**
Оформление художника **В. П. Кравчука**
Технический редактор **Р. П. Макарова**
Корректор **В. А. Волкова**

Сдано в набор 29.09.97 г. Подписано в печать 18.11.97 г.
Формат 70×90¹/₃₂. Бумага писчая. Гарнитура журналь-
но-рубленая. Печать высокая. Усл. п. л. 7,6. Тираж
1000 экз. Заказ 1814. Цена договорная.

Адрес издания: 650099, Кемерово, Советский пр-кт, 40,
Союз писателей Кузбасса.

Тилография УВД
650020, г. Кемерово, ул. Н. Островского, 17

